

DOI: 10.31648/an.8761

Magdalena Jędrzejuk-Witek

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-4543-3144>

Szkoła Doktorska Nauk Humanistycznych i Sztuki, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej w Lublinie/ Doctoral School of Humanities and Art, Maria Curie-Skłodowska University in Lublin

e-mail: magdalena.jedrzejuk@gmail.com

Мистицизм в повести М.А. Булгакова *Собачье сердце* и его универсальность в контексте восточных философских и религиозных систем

Mysticism in Mikhail Bulgakov's Short Story *The Heart of a Dog* and its Universality in the Context of Eastern Philosophical and Religious Systems

Abstract: The subject of this article is the mystical elements in Mikhail Bulgakov's short story *The Heart of a Dog* that present the author's views on spirituality and ethics. As the study shows, the writer's views resemble ideas from various spiritual teachings – especially Eastern ones, like Taoism, Hinduism and Buddhism. Taking into consideration that in the contemporary world many people strive for more universal spiritual approaches, this research portrays Bulgakov as a timeless thinker whose ideas can still inspire people nowadays.

Keywords: mysticism, spirituality, Eastern religions, Mikhail Bulgakov, *The Heart of a Dog*

Наличие мистического смысла в сочинениях Михаила Булгакова было замечено многими исследователями и, хотя большинство из них интересовалось прежде всего самым известным романом писателя – *Мастер и Маргарита*, в его повести *Собачье сердце* также были найдены мистические мотивы. Среди созданных на эту тему исследований особого внимания заслуживают следующие: *Мистические мотивы в прозе М.А. Булгакова («Собачье сердце»)* Е.А. Савиной, *«Собачье сердце» М.А. Булгакова в контексте русской культуры: религиозно-философский аспект* Т.Г. Савельевой, *Философские аспекты прочтения художественного произведения: смысл названия повести М. Булгакова «Собачье сердце»* А.Ю. Фомина, *Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова*

М.М. Голубкова. В вышеуказанных работах самое главное место занимает тема связи между мистическими аспектами произведений Булгакова и духовной философией самого писателя, чьи религиозные взгляды, кстати, до сих пор остаются спорными. Хотя на тему подхода Булгакова к духовности было написано довольно много трудов, авторы большинства из них сосредотачивают своё внимание на анализе именно *Мастера и Маргариты*, пытаясь таким образом указать на определённые характеристики булгаковского мировоззрения. С другой же стороны, сложно найти такие исследования, которые ставят это мировоззрение в контекст современных религиозных тенденций. Как мы считаем, одной из важнейших черт сегодняшней европейской духовности является стремление к универсальности. Оно заметно, между прочим, в росте интереса к восточным философским системам. Данное мнение находит подтверждение в работах современных исследователей – например в статье Н. Меджидовой *Компаративный анализ современных философско-антропологических концепций* (Medzhidova 2022: 23). Учитывая вышесказанное, в данной статье мы постараемся, во-первых, указать на самые заметные элементы мистицизма, использованные Булгаковым в повести *Собачье сердце*. Во-вторых, мы проанализируем их в контексте совпадения с идеями разных философских и религиозных традиций Востока. Цель нашего анализа – обратить внимание на богатство мистических смыслов, которые выявляются в довольно коротком произведении Булгакова. Кроме того, мы попытаемся выявить одну из важнейших, на наш взгляд, черт булгаковского мировоззрения, отдельные элементы которого отразились в *Собачьем сердце*: идейную эклектичность и универсальность.

В начале стоит объяснить основные для нашего исследования понятия. Итак, согласно одной из дефиниций, мистицизм – это «умонастроения и учения, что подлинная реальность недоступна разуму и постигается лишь интуитивно-экстатическим способом [...]». Как философская доктрина – разновидность интуитивизма и иррационализма» (Prokhorov 1993: 816). Евгений Балагушкин, в свою очередь, определяет мистицизм как «представления, подчас системно выстраиваемые в форме рационалистических учений теологического и мировоззренческого характера о непосредственной связи вещей и явлений с сакральными началами» (Balagushkin 2011: 36). Что важно, эти представления не обязательно связаны с конкретной институционализированной религией или доктриной. В своём исследовании Балагушкин выделяет три уровня функционирования мистицизма: первый, базовый – это индивидуальный мистический опыт человека, его личная вера, религиозные

чувства и представления; второй – религиозные объединения, институты, философские и богословские системы; третий – «общественно-политические программы и их реализация» (Balagushkin 2011: 54–55). Следует заметить, что не все мистические верования развиваются на всех вышеуказанных уровнях. Некоторые философы и мыслители вообще отвергают институционализированный мистицизм, подчёркивая преимущественную роль индивидуального духовного опыта в мистическом познании. Такой подход проявлял например Владимир Соловьёв (1853–1900), для которого, по В. Кравченко, «как для мистика, была нестерпима даже мысль о том, что может возникнуть возможность ограничения его внутренней свободы. Его религиозная вера была глубока и непоколебима, но она поверялась не каким бы то ни было земным авторитетом, а только – непосредственным мистическим чувством» (Kravchenko 1997: 20). На наш взгляд, данную мысль можно отнести и к Булгакову. Её обоснование нетрудно найти в произведении *Собачье сердце*.

Интересующая нас повесть была написана в 1925 г., но при жизни автора не публиковалась (первая публикация – 1968 г.), что, конечно, было связано с реакцией социалистической власти на острую критику тогдашнего общественного порядка, которая на самом деле присутствует в произведении. Полиграфа Полиграфовича Шарикова, существа, возникнувшего вследствие неудачного эксперимента профессора Филиппа Филипповича Преображенского, можно рассматривать как персонажа, при помощи которого «пародируются попытки большевиков сотворить нового человека, призванного стать строителем коммунистического общества» (Sokolov 1997: 433) и их убеждение в том, что в новых условиях возможно изменить человеческую природу. Одновременно в образе этой необычной креатуры воплощены наихудшие, по Булгакову, черты сформировавшегося в XX веке «человека массы», происходящего из класса рабочих, лишённого «исторической связи с прежней культурой, создававшейся столетиями» (Golubkov 2011: 8) и не имеющего «собственных культурных традиций [...] – агрессивность, хамство, невежество, бескультурье» (Golubkov 2011: 8, 10). Несмотря на всё это, однако, Шариков «великолепно вписывается в социалистическую действительность и даже делает завидную карьеру» (Sokolov 1997: 433), что весьма негативно свидетельствует о кондиции тогдашнего русского общества. Кроме того, в произведении поднимается проблема взаимоотношений народа и интеллигенции, а также большевистского террора. Учитывая факт, что в центре нашего внимания находятся проблемы духовности и мистицизма, данными, несомненно интересными, вопросами мы здесь заниматься не будем. Особенно,

что, как полагает Фомин, «проблематика повести не сводится к очередной сатире на новый политический строй» (Fomin 2016: 29), или, скорее всего, далеко на ней не останавливается.

Возвращаясь к основному предмету наших исследований: первое из проявлений мистицизма писателя присутствует в использованной им символике, которая «открывает религиозный пласт текста, достаточно мощный» (Konysheva 2015: 176). Соколов пишет:

Операцию над Шариком профессор со священнической фамилией Преображенский делает во второй половине дня 23 декабря, а очеловечивание пса завершается в ночь на 7 января [...]. Таким образом, весь процесс превращения собаки в человека охватывает период с 24 декабря до 6 января, от католического до православного Сочельника. Происходит Преображение, только не Господне. Новый человек Шариков появляется на свет в ночь с 6-го на 7-е января – в православное Рождество (Sokolov 1997: 434).

В данном случае, однако, «новорождённый» напоминает больше дьявола, чем Христа (Sokolov 1997: 434), что придаёт описанной в повести сцене иронический характер. Как утверждает Лидия Менглинова, история, созданная Булгаковым, представляет собой «аналог священной истории, но аналог пародийный, так как в отличие от священной драмы о рождении Спасителя в ней разыгрывалась трагикомическая драма о рождении антихриста, губителя» (Menglinova 2006: 141). Однако, по нашему мнению, главным предметом пародии является здесь не результат проведённого эксперимента; автор прежде всего высмеивает самоуверенность и безрассудное желание переделывать мир (См. Khabib'yarova 2015: 237). На самом деле, хотя профессор – человек образованный, умный, известный учёный, то, согласно Савельевой, ни он сам, ни его ассистент

не задумываются об отдельных последствиях подобных экспериментов. [...] никто из них не понимает проблему возможного массового появления на свет шариковых, которое будет угрожать социальной стабильности; тем более, проблему упразднения смерти как религиозно-философскую (Savel'yeva 2020: 142).

Здесь уже с первого взгляда можно найти своеобразное авторское предостережение. Оно касается безответственного развития науки и наивной уверенности в её всемогуществе, хотя итог эксперимента Филиппа Филипповича отлично доказывает, что «научное знание о жизни и практика самой жизни – очень и очень разные вещи» (Fomin 2016: 34). Кроме того, писатель предостерегает перед пренебрежением человеком извечным законам природы.

Такое мнение, на наш взгляд, раскрывает мистически обусловленную веру Булгакова в существование высшей, сверхъестественной силы, которая проявляется именно во внутреннем совершенстве законов вселенной, и которую человек не в состоянии понять своим человеческим умом. Это представление очевидно совпадает с идеями многих религиозно-философских течений, в том, например, с даосизмом, для которого характерно восприятие «природы такой, какой она существует в действительности» (Khin-shun 1950: 45). Согласно учению основоположника даосской философии – Лао-цзы, мир «подчинён единому закону *дао*, закону необходимости самой природы», ибо Дао – это «глубокая [основа] всех вещей», «внутренняя сущность материального мира» (Khin-shun 1950: 45, 47). Хотя у Булгакова не появляется прямое указание на любое божество или закон, управляющий материальным миром, то ход повествования подтверждает схожую с даосизмом, глубоко мистическую веру писателя в идеальную гармонию мира, нарушение которой ведёт к бедствию. Это, в сочетании с христианской символикой, указывает на необыкновенную тягу Булгакова к парадоксальности, к соединению противоположностей в одно целое – как будто в данном плане применялась одна из даосских концепций: инь и янь (P'ichev и др. 1983: 218).

Очередным парадоксом является тот факт, что профессор Преображенский, кажется, разделяет вышеупомянутое убеждение в совершенстве законов вселенной, говоря своему ассистенту:

Можно привить гипофиз Спинозы или ещё какого-нибудь такого лешего и соорудить из собаки чрезвычайно высокостоящего. Но на какого дьявола? [...] Объясните мне, пожалуйста, зачем нужно искусственно фабриковать Спиноз, когда любая баба может его родить когда угодно. [...] Доктор, человечество само заботится об этом и в эволюционном порядке каждый год упорно, выделяя из массы всякой мрази, создаёт десятками выдающихся гениев, украшающих земной шар (Bulgakov 2003: 46).

Несмотря на это, профессор решается на эксперимент, желая улучшить несовершенную природу человека, но в результате создаётся такой человек, «что уж лучше бы он псом и оставался» (Konysheva 2015: 176). Как можно полагать, данный сюжет выражает мнение писателя о том, что всякое насильственное вмешательство человека в природу наказывается. Результатом таких действий является мир «полный [...] конфликтов, возникающих всякий раз, когда человек оказывается не на своём месте» (Khabib'yarova 2015: 238). Что существенно, «не на своём месте», по Булгакову, находятся как Шариков,

так и сам Филипп Филиппович, использовавший свои широкие знания и умения для фактического насилия над псом Шариком, над которым он имеет власть. Таким образом, «шариковы появляются благодаря кипучей деятельности преображенных, уровень свободы которых должен быть соизмерим с уровнем их ответственности» (Savel'yeva 2020: 142). Ответственность – ключевая ценность, которую должны проявлять не только лица, обладающие особенно высоким социальным статусом, но каждый человек. Примером является Преображенский. Целесообразно здесь обратиться к христианской символике, связанной с фамилией героя. «Преображение показывает, что в Иисусе Христе соединены два естества – божественное и человеческое. [...] В соответствии со сказанным профессор Преображенский олицетворяет божественное и человеческое начала. В его руках жизнь пса. Он ответственен за его судьбу» (Konysheva 2015: 176). Это можно применить к любому человеку – разум, свобода воли, совесть и всё, дающее ему превосходство над миром природы – т. е. «божественное начало» в человеке, одновременно несёт с собой большую ответственность за каждое его деяние. Свобода и ответственность в нравственной философии Булгакова неразрывно связаны друг с другом, так как, согласно писателю, каждое действие имеет определённые последствия. В данном случае последствие, с которым вынужден столкнуться несчастный экспериментатор Полиграф Полиграфович – «лгун, пьяница, грубиян, к тому же наделённый непомерными претензиями» (Khabib'yarova 2015: 237), за которого, однако, профессор ответственен, ибо сам его создал. Его наказывает не Бог и не дьявол, но лишь последствия собственного выбора – как будто реально действовал здесь проповедуемый дхармическими религиями закон кармы (P'ichev и др. 1983: 248–249). В конце концов Филипп Филиппович исправляет свою ошибку и превращает Шарикова в того, кем он и должен быть по законам природы – в пса Шарика, у которого «сердце хотя и хитроватое, но доброе, ищущее справедливости, сочувствующее» (Savel'yeva 2020: 141). Ввиду того, что Полиграф Полиграфович «несмотря на все усилия Преображенского [...], [...] остаётся невежественным, нравственно глухим, не способным к эволюции» (Khabib'yarova 2015: 239), а его обратное превращение в собаку тоже проводится путём насилия, можно бы предположить, что не было правым нижеследующее мнение профессора:

– Как это вам удалось, Филипп Филиппович, подманить такого нервного пса? [...]

– Лаской-с. Единственным способом, который возможен в обращении с живым существом. Террором ничего поделать нельзя с животным, на какой бы ступени

развития оно ни стояло. Это я утверждал, утверждаю и буду утверждать. Они напрасно думают, что террор им поможет. Нет-с, нет-с, не поможет, какой бы он ни был: белый, красный и даже коричневый! Террор совершенно парализует нервную систему (Bulgakov 2003: 9).

Кроме очевидной критики большевистской власти, приведённый фрагмент содержит в себе важную духовную истину, подтверждённую ходом сюжета. Шарик, такой, каким он был, отличался от своей позднейшей «формы» тем, что без больших проблем применялся к обучаемым им новым принципам – например, к ношению ошейника (Bulgakov 2003: 19–20), и вовсе не требовалось для этого использование силы его хозяевами. В свою очередь Шариков представляется читателю как творение, которое не должно вообще существовать – не столько даже потому, что создалось в результате неудачного эксперимента, но преимущественно потому, что является своеобразным «побочным эффектом» насилия над живым существом. Насилие и террор – нарушение естественного права, парализующее нервную систему и расстраивающее натуральный порядок, противодействовать которому можно лишь тем же способом. Зло приводит к очередному злу, поскольку защищаться от насилия возможно только самому используя насилие. Это парадоксальное правило – неизбежный эффект всех «конфликтов, возникающих всякий раз, когда человек оказывается не на своём месте» (Khabib'yarova 2015: 238). Одновременно, булгаковское восприятие насилия как морально предосудительного вполне согласно с законами большинства религий – как христианства, так и восточных религиозных систем, проповедующих принцип ахинсы (Prokhorov 1993: 42). Что отличительно, однако, воздержание от причинения вреда не является здесь заповедью, данной человеку божеством, но кажется истиной, доступной каждому путём интуитивного познания – т. е. оно вполне согласно с тем, что называется мистицизмом.

Предложенное выше прочтение произведения может создать впечатление, что в нём пропагандируется идея детерминизма – в том числе и социального, согласно которой человеку надо оставаться именно «на своём месте», заранее определённом; причём он не должен стараться что-либо изменить. Суть, всё-таки, не в совершенном отвержении свободной воли, а в разумном её использовании, при учете как своих возможностей, так и ограничений. Цитируя А.Ю. Фомина: «человек есть то, что он есть, его природа – неразрывное единство достоинств и недостатков, высокого и низменного – была, есть и пребудет неизменной, поэтому возможные изменения могут произойти лишь в результате его *личного* участия, *личного* усилия к моральному

совершенствованию» (Fomin 2016: 30). Следовательно, ключевую роль играет личная ответственность человека за свой духовный и нравственный рост и, что, вероятно, ещё важнее – осознанность и покорность в отношении к своей позиции в мире и к своим порокам, от которых никто не свободен. В *Собачем сердце* данное воззрение выражается автором непосредственно в словах Преображенского:

Что такое [...] разруха? Старуха с клюкой? [...] Да её вовсе и не существует. [...] Это вот что: если я, вместо того, чтобы оперировать каждый вечер, начну у себя в квартире петь хором, у меня настанет разруха. Если я, входя в уборную, начну, извините за выражение, мочиться мимо унитаза и то же самое будут делать Зина и Дарья Петровна, в уборной начнётся разруха. Следовательно, разруха не в клозетах, а в головах. Значит, когда эти баритоны кричат «бей разруху!» – я смеюсь. [...] Это означает, что каждый из них должен лупить себя по затылку! И вот, когда он вылупит из себя всякие галлюцинации и займется чисткой сараев – прямым своим делом, – разруха исчезнет сама собой (Bulgakov 2003: 17).

Очередной парадокс заключается в том, что и сам профессор далеко не идеален, «но легко быть пророком на сытый желудок» (Khabib'yarova 2015: 238). Во-первых, иронией является то, что он «в период жесточайшего жилищного кризиса живёт и работает в квартире, состоящей из семи комнат» (Fomin 2016: 33). Во-вторых, мотивы, управляющие его научно-исследовательской деятельностью, также не вполне ясны. Как пишет Савельева:

[...] очевидная догадка о том, что он хочет облагодетельствовать человечество [...] не кажется убедительной. Профессор делает свои опыты для узкого круга лиц. О стоимости услуг говорят клиенты, 7-комнатная квартира и наличие штата прислуги. [...] Вероятно, на одном из первых мест стоит гордое желание почувствовать себя властелином мира, повелителем человеческих душ и т. п. [...] Наконец, профессор – вовсе не молодой человек, и ему, естественно, должны приходиться мысли о недалеком уже конце своей жизни; тогда поиски способов омоложения могут быть связаны с тайным личным желанием физического бессмертия (Savel'yeva 2020: 141).

Как мы видим, персонаж, первоначально кажущийся абсолютной противоположностью грубого и невежественного Шарикова, и, наверное, так же воспринимающий себя, не оказывается так уж отличающимся от него. Их несомненно объединяет «любовь к сытной, комфортной жизни» (Savel'yeva 2020: 141), руководящая их поступками, хотя в случае каждого из них совсем по-разному. Таким образом, Булгаков опять доказывает, что добро и зло, моральность и аморальность, присутствуют в душе каждого человека – несмотря

на то, что видно снаружи. Вновь, как инь и янь – «если они действуют в согласии с их естественной закономерностью, то в стране (обществе, человеке) царят спокойствие и порядок» (Pičev и др. 1983: 218). Аналогично, ни одна из сил, действующих как в человеке, так и в окружающем мире не является плохой сама по себе – суть в том, как личность со всеми ними справляется. Следовательно, автором повести критикуется не конкретный персонаж, а «приоритетность ценностей материи над ценностями духа» (Savel'eva 2020: 143) и отсутствие стремления к нравственному саморазвитию.

Если присмотреться главным «человеческим» (и одному «получеловеческому») героям *Собачьего сердца*, то нет сомнений, что наиболее тёплые чувства из всех персонажей вызывает тот наименее «человеческий», т. е. пёс Шарик. Парадоксально, в его «ощущениях [...] больше человеческого, нежели в монологах Шарикова» (Fomin 2016: 32), возбуждающего, в основном, отвращение, в то время как «Шарик-пёс обладал каким-то секретом покорять сердца людей» (Bulgakov 2003: 20). Он «ласковый [...], хотя и хитрый» (Bulgakov 2003: 25), но это не удивительно, принимая во внимание, как часто он раньше голодал. Кроме того, в первой главе авторские оценки событий перемешиваются с оценками Шарика, который «с присущей ему наблюдательностью отмечает существенные черты общественного положения и натуры незнакомого ему господина» (Khabib'yarova 2015: 239) и оказывается «прав, характеризуя Преображенского как небескорыстного человека» (Savel'eva 2020: 141). На самом деле, способ изображения собаки Булгаковым очень интересный и даже передовой в мировоззренческом отношении, так как этому существу, бесспорно, признаётся обладание душой, помещённой в менее развитом собачьем теле. Об этом свидетельствуют, кроме ведённого с перспективы Шарика повествования, записки ассистента профессора – Борменталья, сделанные после операции:

По моему предположению дело обстоит так: прижившийся гипофиз открыл центр речи в собачьем мозгу и слова хлынули потоком. По-моему, перед нами оживший развернувшийся мозг, а не мозг вновь созданный. О, дивное подтверждение эволюционной теории! О, цепь величайшая от пса до Менделеева-химика! Еще моя гипотеза: мозг Шарика в собачьем периоде его жизни накопил бездну понятий. Все слова, которыми он начал оперировать в первую очередь, – уличные слова, он их слышал и затаил в мозгу. Теперь, проходя по улице, я с тайным ужасом смотрю на встречных псов. Бог их знает, что у них таится в мозгах (Bulgakov 2003: 29).

Итак, в художественном мире повести отвергается традиционный христианский креационизм и антропоцентризм, присутствие же духовного начала также в других, кроме человека, живых существах, и возможность его эволюции в более совершенные формы напоминают восточное учение о переселении душ (Brokgauz/Yefron 1890–1907: [online]). Разница состоит лишь в том, что в повести наиболее духовно развитым кажется именно животное, что свидетельствует о пессимистической авторской рефлексии над ценностями своего века (Savel'yeva 2020: 140). В связи с вышесказанным возникает вопрос, в чём состоит неожиданное величие обычного пса-бродяги. Убедительный ответ на него даёт в своём исследовании Т.Г. Савельева:

[...] разум не единственный и не главный критерий развития живых существ, есть более важный. Именно о нём и судит Шарик, думая о Преображенском: «весь в меня». Пёс признал известного профессора родственным себе, но не по интеллектуальным способностям, – у пса они скромные, собачьи, а Филипп Филиппович – «светило», для Шарика бог или полубог [...]. Остаётся сердце... (Savel'yeva 2020: 142).

«Шарик живёт по своим природным собачьим законам» (Savel'yeva 2020: 143), руководствуясь сердцем, чувством, интуицией, которые присущи всем существам, и которые говорят через Филиппа Филипповича, когда он признаётся: «Эх, доктор Борменталь, жаль пса» (Bulgakov 2003: 25); «Представьте, я привык к нему» (Bulgakov 2003: 23). Он же, если бы следовал голосу сердца, избежал бы беды, к которой его привёл бесстрастный разум и человеческая амбиция. Подобные ценности, по Булгакову, не определяют сути того, что подразумевается под понятием истинной человечности. Решение этой метафизической проблемы: что значит – быть человеком («То-есть он говорил? [...]», – это ещё не значит быть человеком» – Bulgakov 2003: 53), отчасти скрыто в заглавии произведения и подтверждается тем, что было сказано раньше: сутью человечности и духовного развития личности является её сердце.

Учитывая всё это, мы уделим несколько внимания заглавию повести. На первый взгляд оно довольно ясно – определение «собачье сердце» говорит о том, что «Шарикову (...) сердце досталось *по наследству* от Шарика» (Savel'yeva 2020: 140). Содержание произведения, однако, очевидно этому противоречит.

– [...] Человек с собачьим сердцем.

– О нет, нет, – протяжно ответил Филипп Филиппович, – вы, доктор, делаете крупнейшую ошибку, ради бога не клеветайте на пса. [...] Сейчас Шариков проявляет уже только остатки собачьего, и поймите, что коты — это лучшее из всего, что он делает. Сообразите, что весь ужас в том, что у него уж не собачье, а именно человеческое сердце. И самое паршивое из всех, которые существуют в природе! (Bulgakov 2003: 47).

В данном освещении «собачье сердце – это сердце любого нормального живого существа: оно хочет тепла и уюта, оно хочет любить и быть любимым, оно страдает от голода и холода, мучается от одиночества, переживает; оно заставляет рефлексировать, оно способно толкнуть и на самые прозаические, и на самые возвышенные поступки» (Fomin 2016: 32). Шариково сердце, как уже замечалось, лучше, чем сердца многих людей; оно является духовным и нравственным идеалом, к которому надо стремиться:

[...] несвойственное для собаки желание почивать на лаврах хорошего к ней отношения, ярко проявилось в её человеческой сущности. Быть собаке вечно благодарной человеку за кров и еду, отвечая за то вилянием хвоста и рабской покорностью, да не свойственно то людям, чтобы за предоставление крыши над головой и сытной трапезы, они продолжали оставаться прежними, не изменяясь, как обычно, в сторону свинского отношения к благодетелям. Потому и беды случаются в человеческом обществе (Trunin 2019: [online]).

Однако, нельзя здесь не учесть того факта, что эпитет «собачий» имеет в языке несправедливо отрицательный оттенок:

собака перестала быть благодарной человеку в тот момент, когда перестала быть собакой. Она воплотила в себе именно то, что подразумевает человек под себе подобным, когда называет того собакой. Хоть это и не совместимо с пониманием собачьего мышления, но человека это не останавливает от награждения столь благородным эпитетом в отрицательном значении (Trunin 2019: [online]).

Если учесть данную перспективу, то возможным кажется и другое толкование заглавия повести: как метафоры плохого человеческого сердца – «собачьего» в негативном смысле, более «собачьего», чем сердце собаки-животного. В таком случае в заглавии, как и в самом тексте (о чём уже шла речь), акцентируется преимущество моральной позиции и уровня духовного развития животного над человеком. Оно, хотя может казаться шокирующим, по нашему мнению, имеет связь с ярко выраженным в произведении почтением к установленному порядку природы, являющемуся образцом идеальной гармонии, к которой человеку следует стремиться. Наиболее достоверным

орудием этого стремления автор считает сердце, т. е. чувство, интуицию. Это, в свою очередь, согласно с мистицизмом как определённым способом восприятия действительности.

Подводя итоги: *Собачье сердце* это не только социально-политическая сатира, но это произведение, обладающее богатством мистических смыслов. Надеемся, проведённый здесь анализ доказал (хотя бы отчасти), что отражённые в повести элементы мистической философии Булгакова совпадают с многими идеями восточных религиозных систем. Это свидетельствует о том, что в упомянутой философии писателя проявляются черты идейной универсальности, благодаря которой мировоззрение автора *Собачьего сердца* может быть особенно привлекательным для современных читателей, нередко разочарованных традиционным пониманием религии и духовности, всё время ищущих универсальные ответы на извечные экзистенциальные вопросы.

Библиография

- Balagushkin, Ye.G. (red.) (2011), *Analitika mistitsizma*. Moskva: Kanon+ [Балагушкин, Е.Г. (ред.) (2011), *Аналитика мистицизма*. Москва: Канон+].
- Brokgauz, F.A./Yefron, I.A. (1890–1907), *Entsiklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Yefrona*. Sankt-Peterburg: F.A. Brokgauz – I. A. Yefron. https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ [dostup: 01.05.2022] [Брокгауз, Ф.А./Ефрон, И.А. (1890–1907), *Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона*. Санкт-Петербург: Ф.А. Брокгауз – И.А. Ефрон. https://dic.academic.ru/contents.nsf/brokgauz_efron/ [доступ: 01.05.2022]].
- Bulgakov, M.A. (2003), *Sobach'ye serdtse*. Moskva/Augsburg: ImWerden [Булгаков, М.А. (2003), *Собачье сердце*. Москва/Аугсбург: ImWerden].
- Fomin, A.Yu. (2016), *Filosofskiy aspekty prochteniya khudozhestvennogo proizvedeniya: smysl nazvaniya povesti «Sobach'ye serdtse»*. Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta 1: 29–34 [Фомин, А.Ю. (2016), *Философские аспекты прочтения художественного произведения: смысл названия повести «Собачье сердце»*. Вестник Волгоградского государственного университета 1: 29–34].
- Golubkov, M.M. (2011), *Misticheskiy pisatel': Moskva i «moskovskiy tekst» v modernist-skoy estetike M.A. Bulgakova*. Filologicheskaya regionalistika 1: 7–17 [Голубков, М.М. (2011), *Мистический писатель. Москва и «московский текст» в модернистской эстетике М.А. Булгакова*. Филологическая регионалистика 1: 7–17].
- Il'ichev, L.F./Fedoseyev, P.N./Kovalev, S.M./Panov, V.G. (gl. red.) (1983), *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar'*. Moskva: Sovetskaya entsiklopediya [Ильичев, Л.Ф./Федосеев, П.Н./Ковалев, С.М./Панов, В.Г. (гл. ред.) (1983), *Философский энциклопедический словарь*. Москва: Советская энциклопедия].
- Khabib'yarova, E.M. (2015), *Sarkasticheskaya ironiya v povesti M. Bulgakova «Sobach'ye serdtse»*. Vestnik Omskogo universiteta 1: 237–240 [Хабибьярова, Э.М. (2015), *Саркастическая ирония в повести М. Булгакова «Собачье сердце»*. Вестник Омского университета 1: 237–240].
- Khin-shun, Ya. (1950), *Drevnekitayskiy filosof Lao-tsy i yego ucheniye*. Moskva/Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR [Хин-шун, Я. (1950), *Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение*. Москва/Ленинград: Издательство Академии наук СССР].

- Konysheva, N.Yu. (2015), *Onomastika v povestyakh M. Bulgakova «Sobach'ye serdtse» i «Rokovnyye yauysa»*. Ural'skiy filologicheskiy vestnik 5: 174–181 [Конышева, Н.Ю. (2015), *Ономастика в повестях М. Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца»*. Уральский филологический вестник 5: 174–181].
- Kravchenko, V. (1997), *Vestniki russkogo mistitsizma*. Moskva: Izdatsentr [Кравченко, В. (1997), *Вестники русского мистицизма*. Москва: Издатцентр].
- Medzhidova, N. (2022), *Komparativnyy analiz sovremennykh filosofsko-antropologicheskikh kontseptsiy*. Metafizika 5/4: 22–37 [Меджидова, Н. (2022), *Компаративный анализ современных философско-антропологических концепций*. Metafizika 5/4: 22–37].
- Menglinova, L.B. (2006), *Apokalipticheskiy mif v satiricheskoy proze M.A. Bulgakova*. Vestnik Kuzbasskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta 4: 138–142 [Менглинова, Л.Б. (2006), *Апокалиптический миф в сатирической прозе М. А. Булгакова*. Вестник Кузбасского государственного технического университета 4: 138–142].
- Savel'yeva, T.G. (2020), *«Sobach'ye serdtse» M.A. Bulgakova v kontekste russkoy kul'tury: religiozno-filosofskiy aspekt*. Vestnik slavyanskikh kul'tur 5: 138–145 [Савельева, Т.Г. (2020), *«Собачье сердце» М.А. Булгакова в контексте русской культуры: религиозно-философский аспект*. Вестник славянских культур 5: 138–145].
- Sokolov, V.V. (1997), *Bulgakovskaya entsiklopediya*. Moskva: Lokid/Mif [Соколов, В.В. (1997), *Булгаковская энциклопедия*. Москва: Локид/Миф].
- Trunin, K. (2019), *M. Bulgakov. Kritika i analiz literaturnogo naslediya*. Yekaterinburg: Izdatel'skiye resheniya. <http://m-bulgakov.ru/publikacii/bulgakov-kritika-i-analiz-literaturnogo-naslediya> [dostup: 01.05.2022] [Трунин, К. (2019), *М. Булгаков. Критика и анализ литературного наследия*. Екатеринбург: Издательские решения. <http://m-bulgakov.ru/publikacii/bulgakov-kritika-i-analiz-literaturnogo-naslediya> [доступ: 01.05.2022]].

